

садъ». Взялъ гусли, пришелъ въ садъ, да и заигралъ такъ нѣжно, такъ сладко, что и сказать нельзя! Услыхала ту игру царь-дѣвица, узнала того, кто наигрывалъ, посылаетъ мамушекъ, нянюшекъ звать къ себѣ въ теремъ Василья-царевича. Побѣжали няньки да мамки наскоро, и назадъ ворочались, говорятъ: «то не Василій-царевичъ играетъ! Хоть и схожъ на него, а все же не онъ—Василій-царевичъ куда прекраснѣе!» Отвѣчаетъ имъ царь-дѣвица: «глупыя вы, неразумныя! Да вѣдь царевичъ теперь отъ трудовъ боевыхъ изнурился, отъ тоски по мнѣ извелся—вотъ почему вы его и признать не можете!» Бросилась сама въ садъ, тотчасъ узнала своего суженаго, брала его за руки бѣлыя и вела въ свои терема высокіе. Обвѣнчались они, отпраздновали свадьбу и поѣхали въ государство Василья-царевича. Ивашку-пастуха царевичъ опять воеводой сдѣлалъ, а дядьку съ маchioй изъ своего царства прогнать приказалъ. И зажилъ онъ съ молодой женой себѣ на веселье и добрымъ людямъ на утѣшенъе.

Сказка о Горѣ-горинскомъ.

или въ деревнѣ два брата: одинъ богатый, другой бѣдный. Богатому все въ руки такъ само и плыветъ—во всемъ удача, во всемъ счастье; а у бѣднаго, какъ онъ ни бьется, какъ ни работаетъ — все зворь лѣзетъ. Богатый въ немного лѣтъ такъ разжился, что и въ городъ переѣхалъ, и домъ большущій тамъ себѣ выстроилъ, и въ кунцы записался; а бѣдный до того дошелъ, что иной разъ куска хлѣба въ цѣломъ домѣ нѣтъ, а ребята охалка, всѣ малъ-малá-меньше — всѣ плачуть, шить-ѣсть просятъ. И сталъ бѣднякъ на свою судьбу сѣтовать, сталъ духомъ упадать, буйну головушку ниже плечь опускать. И пошелъ онъ къ богатому брату въ городъ, говорить: «помоги мнѣ — совсѣмъ я изъ силъ выбился!» — «Отчего не помочь?» говоритъ богатый; «мы все это можемъ. Только ты проработай у меня всю эту недѣлку». — «Ладно», говоритъ бѣднякъ, и взялся за работу: и дворъ мететь, и лошадей холить, и дрова колеть. Черезъ недѣлю даетъ ему богатый братъ гривну де-

негь да коровай хлѣба. «И на этомъ спасибо!» говоритъ ему бѣднякъ; и хотѣль-было домой убираться, да видно брата его совѣсть зазрела, и говоритъ онъ: «куда ты уходить собрался? Завтра я именинникъ, останься попировать съ нами». Остался бѣднякъ на шире у брата. Да на бѣду его много собралось къ его брату богатыхъ гостей, имениныхъ людей, и пришлось его брату тѣхъ гостей усердно подчивать; пришлось низенько передъ ними кланяться, чтобы они въ-волю кушали, испивали, о его ласкѣ не забывали... А о бѣдномъ-то братѣ онъ и думать забылъ: досталось тому только издали видѣть, какъ добрые люди пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, хорошими рѣчами забавляются. Кончился столъ; встали гости; стали хозяина съ хозяйкой благодарить; и бѣдный тоже—въ поясъ кланяется. Гости домой и пошли, и поѣхали развеселые: смѣются, шумятъ, пѣсни поютъ! А бѣдный идетъ домой впроголодь и думаетъ: «дай-го и я запою пѣсню! пускай люди думаютъ, что и меня у брата на именинахъ не обошли, не забыли, досыта накормили, до-пьяна напоили». И запѣлъ мужикъ пѣсню — да такъ и обмеръ... Слышитъ ясно, что ему кто-то тоненькимъ голоскомъ у него-же за спиной подпѣваетъ. Онъ смолкнетъ, и голосъ смолкнетъ, онъ запоетъ — и опять ему тотъ-же голосъ вторить... «Да кто тамъ поетъ—выходи сюда!» крикнулъ бѣднякъ. И увидѣлъ онъ передъ собою чудище—и тощее, и желтое, еле-въ-чемъ душа держится, а само прикрыто лохмотьями, лыгомъ тѣ лохмотья подпоясаны, мочалами ноги изопутаны. Совсѣмъ оторопѣлъ мужикъ отъ страха, спрашиваетъ у чудища: «кто ты?» — «Я—Горе-горинское, надъ тобою сжалилось, тебѣ

цѣтъ подсобляю»...—«Ну, Горе, пойдемъ вмѣстѣ по бѣлу свѣту, рука въ руку: вижу я, что мнѣ другихъ друзей-пріятелей не найти будетъ». — «Поѣдемъ, хозяинъ! Я и то тебя не оставляю!» — «А на чемъ же мы поѣдемъ?» — «Не знаю ты на чемъ, а я такъ на тебѣ поѣду» .. И разомъ на плечи къ мужику—скокъ! А мужику и стряхнуть Горе—не подь силу. И пошелся мужикъ своею дорогою, потащилъ Горе-горинское на своихъ плечахъ, еле ноги передвигаетъ: а чудище-то на немъ поетъ, приплясываетъ, батожкомъ его подгоняетъ... «Не хочешь ты, хозяинъ, я тебя моей пѣсенкѣ любимой научу! Ты вотъ что всегда пой, какъ тебѣ сгрустнется:

Я-ли Горе-горе, гореваньце!
 Я-ли лыкомъ, Горе, подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутало!
 Со мной, съ Горемъ, жить—
 Некручинну быть
 Коли денегъ нѣту—
 Передъ деньгами;
 Завелася гривна—
 Предъ лихими дни.

«Вотъ и у тебя теперь тоже гривна денегъ да коровай хлѣба—пойдемъ прошьемъ, прогуляемъ!»... Пошли, пропили. Пришли домой—жена, дѣти плачутъ, безъ хлѣба сидя; а Горе мужика плясать заставляетъ. На другой день Горе заохало, говорить: «съ похмѣлья голова болитъ». Опять зоветъ оно хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ.— «Я же говорилъ тебѣ, что *денегъ нѣту—передъ деньгами!* Возьми борону да соху, сани да телегу—пойдемъ прошьемъ; на сегодня съ насъ довольно и будетъ!» Нечего дѣлать—не

отбиться мужику отъ Горя—ужь больно крѣпко оно на него насѣло: потащился съ Горемъ, пропилъ, прогулялъ цѣлый день. А на-завтра Горе еще больше захохотало, завопило, говорить: «пойдемъ, погуляемъ, все пропьемъ, все заложимъ... Себя закабалимъ!» Видитъ мужикъ, что гибель его приходитъ, и пустился на хитрости; и молвилъ онъ Горю-горинскому: «слыхалъ я отъ стариковъ—дѣдовъ, что у насъ, за околицей, съ давнихъ поръ кладъ зарытъ; только зарытъ онъ подъ такимъ тяжелымъ камнемъ, что мнѣ его одному поднять не подѣ силу... А то-то бы мы съ тобой, Горюшко, попили-погуляли, кабы тотъ кладъ взяли»... — «Что-же, пойдемъ, возьмемъ:—Горю все подѣ силу!» Пошли за околицу, пришли къ камню тяжелому и великому; его-бы и пяти мужикамъ съ мѣста не своротить, а нашъ хозяинъ съ Горемъ его разомъ поднялъ. Смотритъ: подъ камнемъ и точно ямища темная и глубокая, и на самомъ днѣ ямы—что-то блеститъ Мужикъ и говоритъ Горю: «полѣзай-ко ты туда въ яму, добывай оттуда золото, а я здѣсь постою, камень подержу». Полѣзло Горе, и хохочетъ въ ямѣ на радостяхъ, кричитъ оттуда: «ну, хозяинъ, тутъ богатствамъ смѣты нѣтъ: двадцать кубышекъ, полнѣхоньки золотомъ, другъ подлѣ дружки стоятъ!» И подаетъ оно мужику одну кубышечку. Мужикъ взявъ кубышку за пазуху, да какъ бухнетъ камень на старое мѣсто—такъ и придавилъ Горе-горинское въ той ямѣ съ золотомъ: «пропадай ты и съ богатствомъ»—думаетъ мужикъ—«съ тобою ничто въ прокъ не пойдетъ». И пошелъ домой другимъ человѣкомъ; на тѣ денѣжки изъ кубышки прикупилъ онъ лѣсу, поисправилъ избу, скота поприбавилъ, работать сталъ пуще прежняго, а тамъ и въ

торгъ пустился—и повезло мужику: въ одинъ годъ разбогатѣлъ такъ, что на мѣсто прежней избы хоромы выстроилъ. И поѣхалъ онъ въ городъ просить къ себѣ брата съ женой на новоселье. «Вотъ вѣдь ты что выдумалъ!» говоритъ ему съ усмѣшкою богатый братъ: «самъ-то ты голъ, ѣсть у тебя нечего, а туда-же новоселье справляешь, пиры затѣваешь». — «Ну, когда-то и нечего было ѣсть, а теперь — слава Богу, не хуже тебя живу. Приѣзжай, увидишь».

Собрался на другой день богатый братъ къ брату въ деревню; смотреть—а у голыша-то такія хоромы выстроены, новыя да высокія, что не у всякаго и купца въ городѣ такія есть! Угостилъ голышъ богатаго брата дѣсьта, напоилъ дѣсьяна, да послѣ этого, какъ языкъ у него развязался, онъ и разсказалъ брату по чистой совѣсти, какъ самъ разбогатѣлъ. Одолѣла зависть богатаго брата; сталъ онъ думать: «экой братъ-то у меня дурень! Изъ двадцати кубышекъ только одну взялъ! Да вѣдь съ деньгами-то никакое Горе не страшно; пойду-ка я туда, отвалою камень, заберу деньги и Горе изподъ камня выпущу: пусть оно до-тла раззоритъ брата». Задумано—и сдѣлано. Простился богатый съ братомъ, и не домой поѣхалъ, а къ камню. Бился—бился, своротилъ его немного въ сторону, чтобы въ ямину заглянуть, да не успѣлъ еще и головы нагнуть порядкомъ—а ужъ Горе оттуда выскочило и уцѣлось ему на шею. Почувалъ на плечахъ нашъ богатый тягость великую, оглянулся и увидѣлъ на себѣ страшное чудище. А Горе-то кричитъ ему на ухо: «вотъ ты каковъ? Хотѣлъ меня уморить здѣсь! Ну, ужъ теперь не стряхнешь меня—я отъ тебя не отстану!»—«Безтолговое Горе!» говоритъ богатый, «вовсе не я засадилъ тебя подъ камень,

да и не ко мнѣ, богачу, тебѣ приставать слѣдуетъ: вонъ, поди, раззоряй моего брата!»... А Горе-горинское и слушать не хочетъ. «Нѣтъ», кричитъ оно — «врешь! одинъ разъ обмануль, въ другой не проведешь!» И повезъ богатый Горе съ собою домой—и пошло у него все богатство прахомъ... А бѣдный братъ и теперь въ довольствѣ живетъ, про Горе пѣсенки поетъ.

Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

В синяго моря, въ одномъ государствѣ жилъ-былъ король холостъ-неженатъ; и былъ у него цѣлый полкъ стрѣльцовъ: на охоту стрѣльцы ходили, перелѣтныхъ птицъ стрѣляли, государевъ столь дичью снабжали. Въ томъ полку служилъ стрѣлецъ-молодецъ, Федотъ по имени; мѣтко въ цѣль попадалъ, никогда промаху не давалъ, и за то любилъ его король пуще всѣхъ его товарищей. Случилось ему въ одно время пойти на охоту ранымъ-ранѣхонько, на самой зарѣ; зашелъ онъ въ темный густой лѣсъ, и видитъ: сидитъ на деревѣ горлица. Федотъ натянулъ самострѣль, прицѣлился, выстрѣлилъ — и перешибъ птицѣ крылышко; свалилась птица съ дерева на сырую землю. Поднялъ ее стрѣлокъ, хочетъ оторвать голову да положить въ сумку. И возговорить ему

горлица: «ахъ, стрѣлецъ-молодецъ! Не срывавай моей буйной головушки, не своди меня съ бѣлаго свѣта; лучше возьми меня живую, принеси въ свой домъ, посади меня на окошечко и смотри: какъ только найдетъ на меня дремота, въ ту самую пору ударь меня правой рукою на-отмашъ — и добудешь себѣ великое счастье!» Крѣпко удивился стрѣлецъ: «что такое, думаетъ: съ виду совсѣмъ птица, а говоритъ человѣческимъ голосомъ! Прежде со мной такого случая никогда не бывало» .. Принесъ птицу домой, посадилъ на окошечко, а самъ стоитъ-дожидается. Прошло немного времени — горлица положила свою головку подъ крылышко и задремала; стрѣлокъ поднялъ правую руку, ударилъ ее на-отмашъ легохонько — пала горлица на-земь и сдѣлалась душой-дѣвицей, да такую красавицей, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Говоритъ она добру молодцу, королевскому стрѣльцу: «умѣлъ ты меня достать, умѣй и жить со мною; ты мнѣ будь нареченный мужъ, а я тебѣ богоданная жена!» На томъ они и поладили; женился Ѳедотъ, и живетъ себѣ, съ молодой женой потѣшается, а службы не забываетъ: каждое утро, ни свѣтъ-ни заря, возьметъ свое ружье, пойдетъ въ лѣсъ, настрѣляетъ разной дичи и отнесетъ на королевскую кухню. Видитъ жена, что отъ той охоты весь онъ измаялся, и говоритъ ему: «послушай, другъ! Мнѣ тебя жалко: каждый Божій день ты бродишь по лѣсамъ, по болотамъ, мокрѣхонекъ домой ворочаешься, а пользы намъ никакой нѣту. Это что за ремесло! Вотъ я—такъ знаю такое, что безъ барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотню, дру-гую, все дѣло поправимъ». Бросился Ѳедотъ по товарищамъ:

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО.

у кого рубль, у кого два занялъ, и собралъ какъ разъ двѣсти рублей. Принесъ къ женѣ. «Ну», говоритъ она, «куни теперь на всѣ эти деньги разнаго шелку». Стрѣлецъ купилъ на двѣсти рублей разнаго шелку. Она взяла и ска- зываетъ: «не тужи, молись Богу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе!» Мужъ заснулъ, а жена вышла на кры- лечко, развернула свою волшебную книгу — и тотчасъ яви- лись передъ ней два невѣдомыхъ молодца: «что угодно — приказывай!» — «Возьмите вотъ этотъ шелкъ и за единый часъ сдѣлайте мнѣ коверъ, да такой чудный, какого въ цѣ- ломъ свѣтѣ не видывано; а на коврѣ чтобы все королевство было вышито, и съ городами, и съ деревнями, и съ рѣками, и съ озерами». Принялись они за работу, изготовили ко- веръ—всѣмъ на диво. На утро отдаетъ жена коверъ мужу: «на», говоритъ, «понеси на гостиный дворъ и продай куп- цамъ, да смотри: своей цѣны не запрашивай, а что дадутъ, то и бери». Ѳедотъ взялъ ко- веръ, развернулъ, повѣсилъ на руку и пошелъ по гости- нымъ рядамъ. Увидалъ одинъ купецъ, подбѣжалъ и спра- шиваетъ: «послушай, почтен- ный! продаешь, что-ли?» — «Продаю». — «А что стоить?» — «Ты торговый человекъ, ты и цѣну уставляй». Вотъ купецъ думалъ-думалъ, не можетъ оцѣнить ковра — да и только! Подскочилъ другой купецъ, за нимъ третій, чет-

вертый... и собралась ихъ толпа великая: смотреть на коверъ, дивуются, а оцѣнить не могутъ. Въ то время проѣзжалъ мимо рядовъ королевскій стольникъ, увидѣлъ толпу, и захотѣлъ разузнать, про что толкуеть купечество? Подошелъ и говорить: «о чемъ рѣчь у васъ?» — «Такъ и такъ, ковра оцѣнить не можемъ». Стольникъ посмотрѣлъ на коверъ, и самъ дался диву. «Послушай, стрѣлецъ!» говоритъ онъ, «скажи мнѣ по правдѣ по истинной, откуда добылъ ты такой славный коверъ?» — «Моя жена вышила». — «Сколько-жъ тебѣ дать за него?» — «Я и самъ цѣны не вѣдаю; жена наказала не торговаться, а сколько дадутъ — то и наше!» — «Ну, вотъ тебѣ десять тысячъ!» Стрѣлецъ взялъ деньги и отдалъ коверъ; а стольникъ этотъ всегда при королѣ находился — и пилъ, и ѣлъ за его столомъ. Вотъ онъ поѣхалъ къ королю обѣдать и коверъ повезъ: «не угодно-ль вашему величеству посмотрѣть, каковъ коверъ купилъ я сегодня?» Король взглянулъ — все свое царство, словно на ладони, увидѣлъ; такъ и ахнулъ! «Вотъ такъ коверъ! Въ жизнь мою такой хитрости не видывалъ. Ну, что хочешь, — а ковра тебѣ не отдамъ». Сейчасъ вынулъ король двадцать пять тысячъ и отдалъ ему изъ рукъ въ руки, а коверъ во дворцѣ повѣсилъ. «Ничего», думаетъ стольникъ, «я себѣ другой еще лучше закажу». Сейчасъ поскакалъ къ стрѣльцу, розыскалъ его избушку, входитъ въ свѣтлицу, и какъ только увидалъ стрѣльцову жену — въ ту-жъ минуту и себя, и свое дѣло позабылъ. Насилу стольникъ опомнился, нѣхотя домой убрался. Съ той поры, съ того времени самъ не свой сдѣлался: и во снѣ, и на яву только и думаетъ, что о прекрасной стрѣльчихѣ.

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО.

Запримѣтилъ король и сталъ его выспрашивать: «что съ тобой подѣялось? Аль кручина какая?» — «Ахъ, король-батьюшка, видѣлъ я у стрѣльца жену — такой красоты во всемъ свѣтѣ нѣтъ, и не видано!» Пришла королю охота самому полюбоваться, и поѣхалъ въ стрѣлецкую слободу. Входитъ въ свѣтлицу, видитъ, точно — красота несказанная! Защемила его зазноба сердечная: «чего», думаетъ про себя, «хожу я холостъ-неженатъ? Вотъ бы мнѣ жениться на этой красавицѣ; зачѣмъ ей быть стрѣльчихой? Ей на роду написано быть королевою».

Воротился король во дворецъ и говоритъ стольнику: «слушай! Съумѣлъ ты показать мнѣ стрѣльцову жену — красоту несказанную; теперь съумѣй извести ея мужа. Я самъ на ней хочу жениться... А не изведешь, пеняй на себя: хоть ты и вѣрный мой слуга, а быть тебѣ на висѣлицѣ!» Пошелъ стольникъ, пуще прежняго запечалился; какъ стрѣльца порѣшить — не придумаетъ. Идетъ онъ пустырями, закоулками, а на встрѣчу ему дряхлая старушонка: «стой, королевскій слуга! Я всѣ твои думки вѣдаю; хочешь, пособлю твоему горю неминучему?» — «Пособи, бабушка! Что хочешь, заплачу». — «Сказанъ тебѣ королевскій указъ, чтобъ извелъ ты Оедота-стрѣльца. Это дѣло бы не важное: самъ-то онъ простъ, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаемъ такую загадку, что не скоро справится. Ступай къ королю и скажи: пускай онъ пошлетъ стрѣльца *туда — не знаю куда, принести то — не знаю что*. Ужъ этой задачи онъ во вѣки вѣковъ не выполнитъ: или совсѣмъ безъ вѣсти пропадетъ, или

съ пустыми руками назадъ придетъ». Наградилъ стольникъ старуху золотомъ и побѣжалъ къ королю; король выслушалъ и велѣлъ стрѣльца позвать. «Ну, Ѳедотъ! Ты у меня молодець, первый въ полку стрѣлецъ. Сослужи ты мнѣ службу — *поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!* Да помни: коли не принесешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Стрѣлецъ повернулся налѣво кругомъ и пошелъ изъ дворца; приходитъ домой печальный, задумчивый. Спрашиваетъ его жена: «что, милый, кручинишься? Аль невзгода кабая?» — «Посылаетъ меня король туда — не знаю куда, велитъ принести то — не знаю что. Черезъ твою красу всѣ напасти несу!» — «Да, это служба не малая! Чтобъ туда добратъся, надо девять лѣтъ идти, да назадъ девять — и того восемнадцать лѣтъ; а будетъ-ли толкъ съ того — Богъ вѣдаетъ!» — «Что-же дѣлать, какъ-же быть?» — «Молись Богу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе. Завтра все узнаешь». Стрѣлецъ легъ спать, а жена его дождалась полуночи, развернула волшебную книгу — и тотчасъ явились передъ ней два молодца: «что угодно, что надобно?» — «Не вѣдаете ли: какъ ухитрится да *дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?* — «Нѣтъ, не вѣдаемъ!» Она закрыла книгу — и молодцы изъ глазъ пропали. Поутру будить стрѣльчиха своего мужа: ступай къ королю, проси золотой казны на дорогу — вѣдь тебѣ восемнадцать лѣтъ странствовать; а получишь деньги, заходи со мной проститься». Стрѣлецъ побывалъ у короля, получилъ цѣлую кису золота, и приходитъ съ женой прощаться. Она подаетъ ему ширинку и мячибъ: «когда вый-

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО.

дешь изъ города, брось этотъ мячикъ передъ собою; куда онъ покатится—туда и ты ступай. Да вотъ тебѣ мое рукодѣлье: гдѣ-бы ты ни былъ, а какъ станешь умываться—всегда утирай лицо этою шинкою». Попрощался стрѣлецъ съ своей женою и товарищами, поклонился на всѣ на четыре стороны и пошелъ за заставу. Бросилъ мячикъ передъ собою; мячикъ катится да катится, а онъ за нимъ слѣдомъ идетъ.

Прошло съ мѣсяцъ времени, призываетъ король стольника и говоритъ ему: «стрѣлецъ отправился на восемнадцать лѣтъ по бѣлу свѣту таскаться, и по всему видно, что ему живому не быть. Вѣдь восемнадцать лѣтъ не двѣ недѣли? мало ли что въ дорогѣ случится? Поѣзжай въ стрѣлецкую слободку, и привези его жену во дворецъ». Тотъ поѣхалъ въ стрѣлецкую слободку, пріѣхалъ къ стрѣльчихѣ-красавицѣ, вошелъ въ избу и говоритъ: «здравствуй, умница! Король приказалъ тебя во дворецъ представить». Пріѣзжаетъ она во дворецъ; король встрѣчаетъ ее съ радостію, ведетъ въ палаты раззолоченныя, и говоритъ таково слово: «хочешь ли быть королевою? Я тебя замужъ возьму».—«Гдѣ-жъ это видано, гдѣ-жъ это слыхано: отъ живаго мужа жену отбивать! Каковъ ни на-есть, хоть простой стрѣлецъ, а мнѣ онъ — законный мужъ».—«Не пойдешь охотою, возьму силою!» Красавица усмѣхнулась, ударилась объ полъ, обернулась горлицей да въ окно и вылетѣла.

Много царствъ и земель прошелъ стрѣлецъ; а мячикъ

все катится. Гдѣ рѣка встрѣтится, тамъ мячикъ мостомъ перебросится; гдѣ стрѣльцу отдохнуть захочется, тамъ мячикъ пуховой постелью раскинется. Долго-ли, коротко-ли— скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, — приходитъ стрѣлецъ къ большому богатѣйшему дворцу; мячикъ докатился до воротъ и пропалъ. Вотъ стрѣлецъ подумалъ-подумалъ: «дай пойду прямо!» Вошелъ по лѣстницѣ въ покои; встрѣчаютъ его три дѣвицы красавицы: «откуда и зачѣмъ, добрый человѣкъ, пожаловалъ?» — «Ахъ, красныя дѣвицы! не дали мнѣ съ дальняго походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня напоили-накормили, отдохнуть положили, да тогда бы вѣстей и спрашивали». Онѣ тотчасъ собрали на столъ, посадили его, накормили-напоили и спать уложили. Стрѣлецъ выспался, встаетъ съ мягкой постели; красныя дѣвицы несутъ къ нему умывальницу и шитое полотенце. Онъ умылся ключевой водой, а полотенца не принимаетъ: «у меня», говоритъ, «своя ширинка: есть чѣмъ лицо утереть». Вынулъ ширинку и сталъ утираться. Спрашиваютъ его красныя дѣвицы: «добрый человѣкъ! Скажи: откуда досталъ ты эту ширинку?» — «Мнѣ ее жена дала». — «Стало быть ты женатъ на нашей родной сестрицѣ!» Кликнули мать-старушку; та, какъ глянула на ширинку, въ ту-жъ минуту признала: «это моей дочки рукодѣлье!» Начала у гостя спрашивать-развѣдывать; онъ рассказалъ ей, какъ женился на ея дочери и какъ царь послалъ его *туда — не знаю куда, принести то — не знаю что*. «Ахъ, зятюшка! вѣдь про это диво даже и я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги вѣдаютъ?» Старуха достала свою волшебную